

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Антипин Константин Сергеевич

**Архитектура подмосковных научных центров
1950–1980-х годов**

Специальность 5.10.3. Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Диссертация подготовлена на кафедре истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Хачатуров Сергей Валерьевич**
кандидат искусствоведения, доцент

Официальные оппоненты: **Косенкова Юлия Леонидовна**
доктор архитектуры, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, старший научный сотрудник, ФГБОУ ВО Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, кафедра Основ архитектуры и художественных коммуникаций, консультант

Ревзина Юлия Евгеньевна
доктор искусствоведения, академик РАХ, ФГБОУ ВО Московский архитектурный институт (государственная академия), кафедра История архитектуры и градостроительства, кафедра Храмовое зодчество, профессор

Басс Вадим Григорьевич
кандидат искусствоведения, АНООВО Европейский университет в Санкт-Петербурге, Международная школа искусств и культурного наследия, доцент

Защита диссертации состоится «12» ноября 2025 г. в 18 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.056.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 «Шуваловский», ауд. А-416.

e-mail: art-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3597>

Автореферат разослан «11» октября 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного
совета, кандидат искусствоведения

Е.А. Ефимова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Новые города, формирование которых происходило на разных этапах советской истории, становились важными площадками, где вырабатывались и проверялись градостроительные подходы; через их анализ прослеживаются ключевые этапы истории отечественной архитектуры. Основное внимание исследователей при этом традиционно приковано к промышленным городам, которые не только количественно преобладали среди вновь создаваемых, но и иногда достигали размеров и численности населения, сопоставимых с историческими региональными центрами. Уже в первые пятилетки, когда электрификация и индустриализация ставили перед архитекторами амбициозные градостроительные задачи, были построены десятки соцгородов при новых электростанциях и заводах-гигантах. После Великой Отечественной войны развитие промышленности продолжилось, однако кроме нее полноценным градообразующим фактором впервые стала фундаментальная наука. В середине XX в. наряду с индустриальными городами начали формироваться и научные, где главным «предприятием» выступает один или ряд научных институтов.

Актуальность темы исследования

Хотя проектирование научных центров в основном велось не в стенах ведущих профильных институтов, подчиненных Госстроям СССР и РСФСР, а в ведомственных проектных организациях, и о многих из них открыто писать было запрещено из соображений секретности, подобные города всегда привлекали внимание профессионального архитектурного сообщества. Поэтому исследование опыта создания научных центров, выявление специфики их проектирования и изучение процесса формирования той концепции, благодаря которой они состоялись как уникальный архитектурно-градостроительный феномен, — актуальны с точки зрения дополнения картины истории отечественной архитектуры второй половины XX в. Дистанция в полвека с момента завершения активного проектирования и строительства научных центров позволяет смотреть на них как на часть культурного наследия России и ставить вопрос о его сохранении: многие здания и планировочные элементы нуждаются в охране и грамотной реставрации, для чего необходимо четкое понимание их историко-архитектурной ценности.

Степень разработанности темы

Значительную часть корпуса соотносимых с темой диссертации публикаций составляют многочисленные статьи, монографии и диссертации сотрудников ГИПРОНИИ АН СССР (Все-союзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов,

лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик)¹, осмыслявших архитектуру научных учреждений с 1960-х гг. Однако эти тексты принадлежат к советской институциональной традиции и отражают взгляд архитекторов — ключевых участников проектирования; поэтому мы относим их к категории источников и читаем критически, учитывая самоописание и сглаживание конфликтов. Оставшуюся историографию можно разделить на несколько основных блоков. Во-первых, работы культурологического толка, в которых архитектурно-градостроительные замыслы служат иллюстрацией больших нарративов: в оптике холодной войны наукограды рисуются скрытыми в лесу лагерями², а в контексте «оттепели» — пространствами свободы³. Во-вторых, обобщающие работы о наукоградах⁴, где подмосковные научные центры АН СССР растворяются в широких моделях закрытости и секретности. В-третьих, статьи об отдельных городах и объектах⁵, дающие полезную фактуру, но нередко игнорирующие динамичность процесса проектирования на протяжении 1950–1980-х гг. и представляющие его конечный результат как плод единовременного замысла. Дополняют картину публикации историков науки⁶, проясняющие целеполагание строительства, но редко доводящие анализ до уровня планировочной логики. В совокупности собственно архитектурно-градостроительные замыслы остаются вне фокуса, различия между городами не артикулированы, а роли архитекторов, заказчиков и органов власти уходят в тень: объяснение, которое должно следовать из анализа конкрет-

¹ Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов, лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик (с 1953 по начало 1970-х гг.), Всесоюзный государственный институт по проектированию научно-исследовательских институтов, лабораторий и научных центров АН СССР и союзных республик (с начала 1970-х по 1990 г.)

² Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // LABYRINTH. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 23–42.

³ Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11(545). С. 172–192; Водичев Е.Г. Всегда ли «понедельник начинается в субботу», или Мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды». Статья первая: мифы // Идеи и идеалы. 2018. Т. 1, № 1(35). С. 9–26.

⁴ Лысая Д.А. Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково» // Architecture and Modern Information Technologies. 2017. № 3 (40). С. 178–199; Ланно Г.М., Полян П.М. Наукограды России: вчерашние запретные и полузапретные города — сегодняшние точки роста // Мир России. 2008. № 1. С. 20–49.

⁵ Косинова Е.В. Архитектура второй волны модернизма на примере наукоградов Новосибирской агломерации // Баландинские чтения. 2020. Том XV. С. 215–220; Литвиненко П. Высокая культура проектирования // URL: https://tatlin.ru/articles/vysokaya_kultura_proektirovaniya (дата обращения: 10.01.2022)

⁶ См. напр.: Долгова Е.А. Московский пояс советских городов науки: проектирование и организация пространства // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 235–251; Узбекова Ю.И. Научное сообщество и механизмы выбора региональных траекторий развития АН СССР в середине 1950-х годов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № S1. С. 83–87; Пискунов М.О. «Большая» история Академгородка: историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147.

ных проектов, подменяется культурологическими схемами или нарративами самоописания проектных организаций.

Между тем уже первичное знакомство с архивными и проектными материалами выявляет целый ряд противоречий, ставящих под сомнение универсальность предложенных ранее шаблонов. Поэтому рассматривая научные центры как архитектурно-градостроительный феномен, мы сознательно меняем ракурс и опираемся на принципы историзма и институциональной истории. Исследование реконструирует последовательность управленческих и проектных шагов, сопоставляет институциональные самоописания с фактическими решениями и их корректировками (в том числе через формально-стилистический анализ), и выводит на первый план роли разных действующих сторон (акторов). В числе последних мы выделяем архитекторов ГИПРОНИИ, государственные власти, Президиум АН СССР, руководство отдельных институтов и научных организаций, а также контролирующие инстанции (от региональных архитектурно-планировочных управлений до Госстроя СССР).

С нашей точки зрения замысел научного центра становился комплексным явлением, в котором пересекались архитектурные, административные, социальные, географические и иные факторы. Поэтому ключевым вопросом для нашего исследования становится то, как и под влиянием каких факторов возникли и развивались архитектурные и градостроительные замыслы подмосковных научных центров на протяжении 1950–1980-х гг.?

Под научными центрами мы при этом подразумеваем города, построенные при комплексах научно-исследовательских институтов Академии наук СССР. Использование в работе этого понятия преследует цель максимально точно обозначить рамки исследования, не вводя при этом новых обозначений. Так, «наукоград» — административный термин, учитывающий демографический и профессиональный состав населения, возникший в России в 1990-е гг. и закрепленный в соответствующем законе⁷ — не отражает специфических архитектурных и градостроительных особенностей исследуемых в данной работе городов и, кроме того, в контексте обращения к советской истории является хронологически некорректным, ретроспективным обозначением. В силу этого в названии работы был использован именно термин «научный центр», но наравне с ним в тексте диссертации используются в качестве синонимов также «научный городок» и «академгородок».

Объект исследования — архитектурные проекты подмосковных научных центров Академии наук СССР, их ансамбли с комплексными системами пространственных отношений меж-

⁷ Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901730261> (дата обращения: 25.05.2022)

ду зданиями, сложившихся в результате длительного процесса трансформаций идей, подходов и смены стилевых направлений в архитектуре.

Предмет — творческий процесс проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг., складывавшийся во взаимодействии институций и персоналий и выражавшийся в архитектурно-градостроительных замыслах.

Академические научные городки в 1950–1960-е гг. стали возникать, с одной стороны, вокруг Москвы, на территории которой уже в большом числе присутствовали учреждения АН СССР, а с другой — вблизи городов Сибири, где концентрация научных учреждений была значительно ниже. Соответственно, цели и инициаторы их создания были различны. По методологическим соображениям, связанным с объемом и глубиной анализа, мы ограничиваемся изучением Подмосковья, где были созданы три отраслевых научных центра АН СССР: Пущино, Троицк и Черноголовка. Эти города составляют основную **географическую рамку исследования**. В зависимости от специализации и других факторов каждый из указанных научных центров обладает своими особенностями, но их проектированием занимался один проектный институт. Активное формирование этих трех городов велось с 1950-х по 1980-е гг., что определяет **хронологические рамки данного исследования**. Тем не менее для анализа дополнительно привлекается материал 1930–1940-х гг., когда в Москве предпринимались первые попытки создания крупных академических комплексов и зарождалась проектная контора, впоследствии отвечавшая за научные центры.

Цель работы — представить модель описания творческого процесса, показывающую, как действия институций и персоналий, а также смена стилевых ориентиров соотносились с эволюцией архитектурных и градостроительных замыслов подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие конкретные **задачи**:

1. Описать историю проектирования научных центров в 1950–1980-е гг., проанализировать формально-стилистические особенности архитектурных решений и выявить характерные черты планировочных структур в их градостроительных концепциях;
2. Выделить исторические этапы творческого процесса проектирования подмосковных научных центров, описав для каждого совокупность определяющих факторов и роль ключевых персоналий и институций;
3. Проследить архитектурно-стилевую и планировочную эволюцию проектов научных центров 1950–1980-х гг., разработать ее периодизацию и сопоставить с существующей периодизацией советской архитектуры 1950–1980-х гг.;

4. Сопоставить выделенные исторические этапы творческого процесса с разработанной архитектурно-стилевой периодизацией;
5. Проследить развитие подходов к проектированию научных комплексов, выступавших градообразующим ядром для исследуемых городов, выявить влияние на их проекты зарубежного опыта, практики в других частях СССР и методологических разработок ГИПРОНИИ;
6. Реконструировать историю организационной структуры института ГИПРОНИИ, установить, влияли ли изменения в ней на характер творческого процесса архитектурного проектирования подмосковных научных центров.

Методология и методы исследования

Исследование опирается на принцип историзма: каждый замысел рассматривается в контексте своего времени, а проекты анализируются в связке с установками авторов и влиянием иных участников и процессов. Концепции и образы понимаются как динамичные, предметом анализа является их трансформация; обобщения строятся на прослеженной динамике, а не на статичных описаниях. Методически применяются формально-стилистический и сравнительный подходы. Сопоставление трех подмосковных научных центров между собой и с другими примерами (Новосибирский Академгородок, отечественные и зарубежные комплексы) позволило выделить общие тенденции и уникальные решения и связать процесс проектирования с историей науки и отечественной архитектуры.

Особое внимание в работе уделено роли участников творческого процесса проектирования. В XX в. сама архитектурная (и еще сильнее — градостроительная) практика многократно усложнилась и стала требовать взаимодействия огромного числа специалистов с разными компетенциями: авторство стало связано не столько с фигурой отдельного мастера, сколько с группами, мастерскими и институтами. Поэтому помимо биографий архитекторов анализируются механизмы принятия решений и внутренняя организация ГИПРОНИИ, менявшаяся в 1950–1980-е гг.

Для анализа творческого процесса проектирования научных центров в Подмосковье нами привлекаются соответствующие **источники**: архивные графические материалы (генеральные планы, проекты зданий, эскизы) и текстовые документы (протоколы, письма, отчеты); публикации советского времени в профессиональных изданиях и массовой периодике; автобиографии ключевых участников; исторические фотографии и видеоматериалы. В процессе исследования были проведены интервью с некоторыми архитекторами, непосредственно участвовавшими в проектировании подмосковных научных центров. Анализ источников в работе сопоставлен с результатами полевого обследования научных центров. Для обработки данных созданы элек-

тронная картографическая база объектов (построенных и нереализованных); хронологические таблицы увязки генпланов с управленческими решениями; схемы динамики стилевых трансформаций и эволюции внутренней структуры ГИПРОНИИ.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно впервые предлагает системный и комплексный анализ архитектурно-градостроительных проектов подмосковных научных центров. В ходе работы привлечен широкий круг источников, значительная часть которых вводится в научный оборот впервые. В их числе материалы из архивных фондов АРАН, ГАРФ, РГАЭ, ЦГАМО и др., а также личных собраний советских архитекторов и их семей. Таким образом, создана наиболее полная на сегодня документальная база по истории архитектуры Пушкина, Троицка и Черноголовки. На основе этих материалов в диссертации разработаны и обоснованы хронология и этапы архитектурного проектирования научных центров, выявлены и сопоставлены их архитектурные особенности. Проанализирован вклад института как целого, отдельных мастерских и персональных авторов, что выводит за пределы персонифицированной модели и точнее отражает специфику проектирования второй половины XX в.

Принципиально новым является рассмотрение городов не как статичных ансамблей, а как динамических образований, складывавшихся поэтапно в течение десятилетий. Впервые прослежена эволюция каждого научного центра от начальных замыслов до сворачивания комплексного строительства в конце 1980-х гг. — установлено, какие фрагменты осуществлялись в рамках конкретных проектов и стилевых периодов. Междисциплинарный подход дополняет исследования по истории советской науки, где архитектура обычно вторична, и дает более целостную картину возникновения и трансформации подмосковных научных центров.

Теоретическая значимость работы

Во-первых, применение институционального подхода расширяет привычный набор формально-стилистических, биографических и культурологических методов. Он позволяет показать, как внутренняя структура ГИПРОНИИ и отношения между различными заинтересованными сторонами влияли на творческий процесс и итоговый облик научных центров. Понимание механизмов принятия решений, обычно невидимых в чисто стилевом анализе, углубляет представление о советской архитектуре как о комплексном результате взаимодействия множества акторов.

Во-вторых, подробная реконструкция истории проектирования подмосковных научных центров создает основу для осмысления эволюции архитектуры комплексов НИИ в СССР 1950–1980-х гг. Работа критически переосмысляет богатый массив публикаций ГИПРОНИИ (с конца 1960-х гг.), выявляя разрывы между декларациями и практикой и показывая, как издательская

риторика крупных институтов формировала цельный, но порой иллюзорный образ собственно-го творчества. Такой ракурс задает программу дальнейших исследований: от пересмотра официальных нарративов до выявления недооцененных проектов периферийных мастерских, что позволяет строить более целостную историю советской архитектуры, не сводя ее к рамкам, заданным номенклатурной иерархией.

Практическая значимость работы

Систематизированные данные об архитектурно-градостроительных особенностях подмосковных научных центров, являющиеся сами по себе одним из главных результатов данного исследования, могут служить основой для подготовки и дополнения курсов по истории советской архитектуры и градостроительства. Кроме того, надежный научный фундамент позволит формировать на его основе широкое представление о наследии 1950–1980-х гг. посредством подготовки выставок, экскурсий и публикаций популярного характера.

Помимо просветительского и образовательного аспекта, полученные выводы представляются особенно важными в связи с потребностью в выявлении, сохранении и грамотном использовании архитектурного наследия Пущина, Троицка и Черноголовки. Материалы исследования могут стать методической базой для оценки историко-архитектурной ценности объектов, их дальнейшей постановки на охрану в качестве объектов культурного наследия или достопримечательных мест. Таким образом, обращение к истории проектирования подмосковных научных центров продиктовано как научной новизной темы, так и практической востребованностью знаний о ней в контексте сохранения наследия исследуемых городов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Творческий процесс проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг. укладывается в четыре исторических этапа, обусловленных влиянием позиций руководства государства, Президиума АН СССР и изменениями во внутренней структуре проектного института ГИПРОНИИ: этап «выдворения» строительства новых академических НИИ из столицы во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.; этап формирования новых научных центров в Подмоскowie в 1960-е гг.; этап усиления и автономии подмосковных научных центров в 1970-е гг.; этап деприоритизации и консервации в 1980-е гг.
2. В противовес распространенному представлению о том, что создание подмосковных научных центров было частью заранее продуманной градостроительной политики, оно стало вынужденной компромиссной мерой в свете запрета на строительство новых институтов АН СССР в Москве. Вынос новых НИИ в Подмоскowie происходил во многом вопреки интересам и желаниям Академии.

3. Архитектурно-стилевая эволюция проектов научных центров в 1950–1980-е гг. делится на три периода: творческих поисков в середине 1950-х — начале 1960-х гг., интернационального модернизма в 1960-е гг. и позднего модернизма 1970–1980-х гг.
4. Процесс стилового перехода к модернизму в период «оттепели», ранее трактовавшийся как линейное и поступательное упрощение неоклассики, на примере научных комплексов предстает как волнообразное движение: вслед за резким отказом от фасадной пластики в середине 1950-х гг. она постепенно возвращается в форме редуцированной неоклассики, а в начале 1960-х гг. — столь же резко происходит переход к интернациональному модернизму; аналогичная непоследовательность прослеживается и в развитии градостроительных решений.
5. Активное развитие формата встроенно-пристроенных объектов обслуживания и постепенное сокращение числа самостоятельных общественных зданий в 1980-е гг. были связаны с выходом в 1980 г. ограничительного постановления, которое ранее оставалось почти незамеченным в историографии.
6. Организация проектирования существенно влияла на характер творчества архитекторов: в 1950–1960-е гг. частая смена авторских коллективов способствовала одновременно и притоку свежих идей, и относительному единообразию в планировке и архитектуре подмосковных научных центров, а создание в 1970-е гг. местных мастерских, наделенных высокой автономией, привело к инертности замыслов, но в то же время проявлению локального своеобразия в архитектуре каждого города.
7. К теоретическим идеям и методам проектирования, разрабатывавшимся в ОНИР ГИПРОНИИ с конца 1960-х гг., сотрудники мастерских института в подмосковных научных центрах относились не как к единственно возможному руководству к действию, а воспринимали их наряду со всем спектром доступного для изучения отечественного и зарубежного опыта.

Апробация работы

Основное содержание диссертации представлено в 6 статьях, в том числе 4 статьях, опубликованных в журналах Scopus, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности. Также результаты исследования излагались в следующих докладах на конференциях:

1. Архитектура советских зданий вычислительных центров: попытка типологизации // Всероссийская научно-практическая конференция «Борис Мезенцев. Творческий поиск архитектора», 4–5 октября 2023 г.

2. Проектирование академических комплексов Москвы 1930–1940-х годов: роль и вклад А.В. Щусева // Конференция «Щусевские чтения — 2023», ГНИМА, 11–13 октября 2023 г.
3. Стилиевые трансформации в советской архитектуре второй половины 1950-х годов на примере зданий Академии наук // «Русское искусство. Стилъ и манера», МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 марта 2024 г.
4. Многословная теория и молчаливая практика проектирования академических научных центров // «Русское искусство. Слово и молчание», МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 апреля 2025 г.
5. «Олимпийское» постановление: ограничение строительства общественных зданий в СССР и его влияние на советскую архитектуру 1980-х годов // Международная научная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства XI», 14–19 октября 2024 г.
6. Особенности развития подмосковных академгородков в 1980-е годы: архитектурно-градостроительный аспект // Семинар «Наука и город в позднем Советском Союзе: история, пространство, сообщества», НИУ ВШЭ, 20–21 февраля 2025 г.
7. Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // VII Ежегодный форум молодых исследователей искусства и культуры «Научная Весна», ГИИ, 26–28 апреля 2023 г.
8. Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // XXII Международная конференция молодых ученых «Векторы», Москва, 18–21 апреля 2024 г.

Кроме того, результаты исследования были апробированы при оказании методической помощи кураторам выставки «Конструкторы науки» в Музее архитектуры им. А.В. Щусева, приуроченной к 300-летию юбилею Российской академии наук и посвященной архитектуре научных комплексов 1950–1980-х гг., а также при чтении лекционного курса в рамках параллельной программы к выставке.

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, библиографии и источников, а также двух приложений: 1 — историография и обзор источников, 2 — иллюстрации и схемы. Главы организованы в основном по хронологическому принципу, при этом первая из них охватывает промежуток с середины 1930-х по 1950-е гг., в ней представлен генезис проектирования подмосковных научных центров. В последующих четырех главах рассматриваются временные периоды со второй половины 1950-х до 1980-х гг. Главы включают по несколько параграфов, решающих отдельные задачи исследования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В Главе 1 «Проектирование академических комплексов в Москве в 1930–1950-е гг. и их вынос из столицы в середине 1950-х гг.» описывается генезис проектирования подмосковных научных центров. Реформы советской архитектуры середины 1950-х гг. во многом разорвали связь между опытом, накопленным в рассматриваемый в этой главе период, и будущими исканиями, в результате которых родились проекты научных центров. Тем не менее уже в 1930-е гг. и в послевоенное время архитекторами под руководством А.В. Щусева были выработаны многие композиционные и планировочные принципы, которые продолжают применяться в последующие десятилетия. Ансамбль академических институтов и жилья для ученых на Калужском шоссе в Москве — по сути, первый случай реализации комплексного замысла по строительству инфраструктуры для фундаментальной науки в СССР. Его проектирование до середины 1950-х гг. велось с ориентацией на неоклассицизм, а в планировочной организации главенствовали принципы симметрии и квартальной периметральной застройки. Осознание того факта, что здания, при проектировании которых учитывались лишь текущие потребности института, в лучшем случае потребуют модернизации в перспективе, а в худшем — еще до окончания строительства, было еще впереди⁸.

Академия наук в 1930–1950-е гг. прошла путь от попыток справиться с проектированием грандиозного комплекса силами собственной строительной конторы к поручению этой работы опытным архитекторам во главе с А.В. Щусевым, а затем — созданию собственной проектной конторы под его руководством. После смерти архитектора в 1949 г. последовал процесс ее превращения из де-факто персональной мастерской А.В. Щусева в институт ГИПРОНИИ со сложной организационной структурой из множества мастерских — именно в нем с середины 1950-х гг. стали заниматься проектированием подмосковных научных городков.

Ранние этапы создания подмосковных научных центров, связанные с формированием их концепции, выбором мест для строительства и началом проектирования, до сих пор оставались неизученными. Вопрос о том, в связи с чем было принято решение о выносе строительства научных учреждений Академии наук за пределы столицы, не имел в историографии внятного ответа. В главе показано, что для АН СССР строительство новых научных комплексов в Подмосковье стало вынужденным и компромиссным шагом, предпринятым в ответ на ограничение нового строительства в самой Москве по инициативе Н.С. Хрущева. Ключевым фактором на данном этапе стало «выдворение» нового строительства АН СССР из столицы. При этом в опреде-

⁸ Метаньев Д.А. Архитектурно-типологические основы современных научно-исследовательских институтов (на примерах НИИ АН СССР): дис. ... канд. архитектуры. М., 1967. С. 53.

лении их общей концепции ключевая роль принадлежала не архитекторам. В частности, несмотря на хронологическую близость к широкому обсуждению советскими градостроителями концепции городов-спутников, создание академгородков опередило дискуссии о размещении спутников, и в то же время было ситуативным решением, а не результатом системного планирования рассредоточения населения столицы.

Поиск мест для расположения научных городков направлялся Президентом АН СССР А.Н. Несмеяновым, который в качестве удачного примера зарубежного опыта приводил британские и американские научные городки, в частности Оксфорд и Кембридж. И если выбранная по такому принципу площадка в Пущине ориентировалась на создание автономного научного сообщества, то Черноголовка, формировавшаяся вокруг специфических задач Института химической физики и Красная Пахра, развивавшаяся еще более стихийно, отчасти ориентировались на связь с Москвой, поскольку были расположены вдвое ближе к ней. В результате научные городки формировались под влиянием как внутренних, так и внешних факторов, но не были частью единого комплексного замысла.

В Главе 2 «Начало проектирования научных городков в условиях поисков нового языка архитектуры во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг.» рассматривается уже непосредственно творческий процесс проектирования научных городков. Параллельно с ограничением строительства академических комплексов в Москве в середине 1950-х гг. Н.С. Хрущев инициировал в стране масштабные реформы, которые привели к радикальной реорганизации архитектурной и строительной отраслей, завершили эпоху «освоения классического наследия» и запустили масштабные стилевые поиски. Для архитекторов ГИПРОНИИ данный этап стал вдвойне сложным из-за необходимости адаптации к новым условиям профессиональной практики и срочной разработки массы проектов заново в связи со сменой места их строительства. Практически полное прекращение строительства новых НИИ в столице во второй половине 1950-х гг. наделило новые научные городки значением главной площадки для движения архитектурной мысли.

Именно на этот переходный для советской архитектуры этап пришлось начало проектирования подмосковных научных городков, первым из которых стал в 1956 г. Пущино. Однако после достижения компромиссного решения о выносе строительства новых НИИ в Подмосковье давление на Академию наук не ослабло. Спустя год осуществление этого проекта было приостановлено Н.С. Хрущевым в пользу строительства Академгородка в Новосибирске⁹. Посколь-

⁹ Постановление Совета Министров СССР от 18 мая 1957 г. № 564 «О создании Сибирского отделения Академии наук СССР» // URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/science/sbras50/03.ssi> (дата обращения: 25.05.2022)

ку начало активного строительства в Пущине пришлось не на вторую половину 1950-х гг., как было задумано, а уже на 1960-е гг., то архитектурный облик научного городка формировался в условиях уже утвердившегося модернизма. Тем не менее, разработанные в 1956–1957 гг. версии схемы генплана Пущина представляли идею рационального зонирования застройки, а также в них были внедрены унифицированные решения для научных институтов.

Проектирование Новосибирского Академгородка оказалось в центре внимания ведущих советских архитекторов и градостроителей — он стал плацдармом для обкатки целого ряда новых принципов: микрорайонной организации жилой застройки и ступенчатого устройства системы ее обслуживания. А бережное отношение к существующему лесу, которое Ю.С. Яралов в 1967 г. назвал «культом леса»¹⁰, вместе с обширной работой по озеленению, сделанной в Новосибирском Академгородке, стало образцом для всех строившихся впоследствии научных центров.

Рассматривая проекты научных городков в Пущине и Новосибирске, можно наблюдать сходные процессы: композиции из жилых домов, сперва сведенные к приему строчной застройки, затем начинают вновь выстраиваться по периметральному принципу. Несмотря на «оттепель», смелые попытки освобождения от регулярной планировки и внедрения модернистских приемов в архитектуру в первые пореформенные годы быстро отменяются в пользу более консервативных решений: стилевые трансформации этого времени уводят архитекторов от образов, напоминающих об авангарде 1920-х гг. (проект унифицированного главного здания НИИ, выполненный под руководством Л.М. Полякова) к приемам, характерным для постконструктивизма 1930-х гг. (проект Института элементоорганических соединений архитектора А.И. Зайцева) — на фасады во второй половине 1950-х гг. постепенно возвращается пластический декор в виде редуцированной неоклассики. Таким образом, период с середины 1950-х по начало 1960-х гг. стал временем творческих поисков, выраженных в непоследовательных стилевых трансформациях и проявившихся в непоследовательном выборе планировочных принципов.

В Главе 3 «**Интернациональный модернизм в архитектуре подмосковных научных центров 1960-х гг.**» описывается время начала формирования научных центров в Подмосковье. После ухода А.Н. Несмеянова с поста Президента АН СССР его преемник М.В. Келдыш несколько пересмотрел стратегию территориального развития Академии в Подмосковье, так что кроме площадки в Пущине строительство научных учреждений стало разворачиваться в Черноголовке и Красной Пахре (ныне Троицк).

¹⁰ Яралов Ю. Город большой науки // Архитектура СССР. 1967. № 6. С. 47.

Основными акторами творческого процесса в 1960-е гг. становятся Президиум АН СССР и архитекторы ГИПРОНИИ. А с уходом Н.С. Хрущева роль органов власти в основном стала сводиться к согласованию в рабочем порядке планов строительства и проектов. Архитекторы же к началу 1960-х гг. уже преодолели кризисный переходный этап и начинают разрабатывать типовые проекты, изучать зарубежный опыт и развивать собственные методы, нацеленные на унификацию. Уровень выполнявшихся ГИПРОНИИ проектов научных учреждений не уступал, а в некоторых моментах и опережал работы других ведущих проектных институтов¹¹.

Вследствие до сих пор действовавшего запрета на строительство НИИ в Москве именно в Пущине, Черноголовке и Красной Пахре впервые в СССР возникли составленные из отдельных блоков-павильонов комплексы институтов, фиксирующие начало нового стилового периода. Первым проектом НИИ, на котором сами авторы нового принципа из мастерской типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ проверяли жизнеспособность своей идеи, стал Институт физики высоких давлений в районе Красной Пахры¹². Лапидарность объемов и сдержанная пластика фасадов, которые представляли собой «тельняшки» из перемежающихся лент остекления и навесных железобетонных панелей, соседствовали с акцентными элементами — динамичными козырьками, малыми архитектурными формами в благоустройстве и объектами монументального искусства. Вскоре в проектах Пущина метод был масштабирован на всю научную зону города, и были разработаны проекты четырех научных институтов.

Одновременно архитекторы отказались от регулярных планировочных решений, перейдя к свободной планировке микрорайонов. Создание сети культурно-бытового обслуживания и необходимость включения всех жилых групп в радиусы ее предприятий, наряду с требованиями экономии на земляных работах и учета инсоляции, — все это способствовало отказу от регулярной квартальной застройки с периметральной расстановкой домов вдоль улиц. Поиск баланса в решении перечисленных задач стал по сути главным творческим вызовом в работе градостроителей, в то время как работа над зданиями заключалась в «привязке» типовых проектов — рутине с минимумом возможностей по внесению изменений. В части жилой застройки научных городков не прослеживалось приемов, принципиально отличных от общесоюзной практики. Однако именно в них одной из ключевых задач было обеспечение гармоничного взаимодействия человека и природной среды. Архитекторы стремились, насколько возможно, сохранить

¹¹ Так, архитектор Гипровуза П.Г. Стенюшин в 1960 г. сказал, что «ГИПРОНИИ с точки зрения зонирования может стоять в Советском Союзе на первом месте» (РГАЛИ. Ф. 2466. Оп. 2. Д. 37. Л. 30).

¹² Мастерская типового и перспективного проектирования ГИПРОНИИ, архитекторы Ю.Н. Малов, Ю.П. Платонов, В.Р. Раннев

существующий лес в Черноголовке и Красной Пахре. В Пущине, где его не было, особое внимание уделялось озеленению. Если до середины 1950-х гг. благоустройство воспринималось как своеобразное заполнение пустот в структуре регулярной застройки, то теперь природа могла выдвигаться на передний план, делая архитектуру, хоть и инородной, но частью природного ландшафта.

Тем не менее, в 1960-е гг., когда все три научных центра стали активно проектироваться и строиться, многочисленные проекты общегородских центров продолжали оставаться на бумаге. Возраставшая в течение десятилетия свобода архитекторов, с одной стороны, давала оправданную веру в реализацию в «перспективе» намечаемых на нее идей, которые выходили за актуальные рамки реализуемого. С другой стороны, по мере ослабления ограничений, в каждом новом проекте архитекторы пересматривали картину перспективы — и вновь отдаляли ее. Эти описанные в главе стремительные и в то же время непрерывные смены замыслов и их авторов демонстрируют архитектурное творчество применительно к подмосковным научным центрам как динамический процесс. При этом его характер с регулярным и коренным пересмотром генеральных планов и их хронической нереализуемостью согласуется с общесоветской картиной, описанной в историографии¹³.

В Главе 4 «Поздний модернизм в архитектуре научных центров 1970-х гг.» описывается и анализируется период, ставший временем наиболее активного развития подмосковных научных центров. Перспективы их дальнейшего роста привели к созданию очередного ряда градостроительных и множества архитектурных проектов. Их проектирование в это время все больше происходило на местах — в 1970-е гг. во всех трех городах были организованы самостоятельные комплексные проектные мастерские ГИПРОНИИ. На протяжении 1970-х гг. прежде единый творческий процесс стал обретать в каждой из них собственное, все более выраженное своеобразие.

Если архитекторы из московских мастерских проектного института продолжали углублять принципы модульности и унификации, триумфом применения которых стал научный городок СО ВАСХНИЛ (поселок Краснообск под Новосибирском), то подмосковные коллективы черпали идеи не только у столичных коллег, но и во всем отечественном и мировом опыте. Одной из причин тому можно обозначить комплексность задач, стоявших перед ними: в отличие от московских коллег, основным профилем работы которых было проектирование именно научных комплексов, на местах архитекторы по большей части занимались гражданскими сооружения-

¹³ Косенкова Ю.Л. Долгий путь к городу. К постановке проблемы изучения советского градостроительства 1950-х — начала 1980-х гг. // Интернет-вестник ВолгГАСУ. Серия: Политематическая. 2011. Вып. 3 (17). С. 11.

ми, причем практически со всем спектром функций. Это приводило к необходимости расширения кругозора и знакомства с релевантным опытом — как советским, так и зарубежным, в то время как в Москве архитекторы, продолжая системно изучать и анализировать зарубежный опыт, больше отталкивались уже от собственных наработок.

Наряду с очевидным влиянием на архитекторов ГИПРОНИИ концепции метаболизма, которое подтверждалось ими самими и проявилось в идее модульно-регуляционной системы как унифицированной и адаптирующейся к разным условиям структуры, в 1970-е гг. в архитектуре отдельных зданий произошел в целом свойственный для этого времени уход от простоты и легкости павильонного модернизма, вошедшего в моду в начале 1960-х гг. Явным образом обозначилась тенденция к отказу от гигантских поверхностей витражного остекления и ленточных окон в пользу усложнения и утяжеления пластики фасадов: например, к лапидарным лабораторным блокам институтов белка, биохимии и физиологии микроорганизмов, а также почвоведения в Пушкине были пристроены индивидуальные блоки общего назначения со сложными формами облицованных камнем фасадов, прорезанных небольшими окнами с мощными рамами-наличниками. Аналогичным образом оформлены фасады общественного центра микрорайона «Б» и лабораторный корпус распространения радиоволн ИЗМИРАН в Троицке.

Постепенно между теорией и практикой в ГИПРОНИИ образовывался разрыв в том смысле, что архитекторам из отделения научно-исследовательских работ (ОНИР) все меньше приходилось работать над реальными объектами. Если в 1960-е гг. теоретики продолжали разрабатывать проекты, то в 1970-е гг. полностью погрузились в вопросы методологии. Поэтому новые генпланы подмосковных научных центров 1970-х гг. оказались такими разными, но при этом не похожими на идеи московских архитекторов, мечтавших подчинить все модулю и заставить развиваться по законам метаболизма. Идеи пространственной унификации и их воплощение в модульно-регуляционной системе постепенно превратились в институциональную норму, утратив прямую связь с конкретными авторами. Человек в работах московских мастерских ГИПРОНИИ отходил на второй план, и вклад отдельных архитекторов в проекты вроде комплекса СО ВАСХНИЛ и подобных ему неосуществленных замыслов уже трудно различим. В подмосковных научных центрах творческий почерк формировался скорее на уровне местных мастерских, и на него, помимо прочего, влияли материальные базы строителей каждого конкретного центра. И все же тут можно выделить отдельных ярких личностей, обладавших узнаваемыми авторскими приемами. В случае градостроительных планов Троицка и Пушкина можно отчетливо говорить об авторах — В.Н. Баните и В.С. Воронежском.

Глава 5 «Кризис модернистских утопий в 1980-е гг.» посвящена рассмотрению процесса проектирования подмосковных научных центров в последнее советское десятилетие. Если на период застоя 1970-х гг. пришелся расцвет проектирования и строительства подмосковных научных центров, то их дальнейшая реализация тормозилась общим для всей страны экономическим упадком, приводившим к существенным ограничениям развития городов. Но существенно на их развитие в 1980-е гг. повлиял тот факт, что в это время они оказались вне актуальной повестки создания новых исследовательских комплексов, для которых новое руководство АН СССР выбирало другие площадки: в Шатуре, Тарусе и Переславле-Залесском. Потеря интереса со стороны Президиума АН СССР, переставшего фокусировать усилия на концентрации ресурсов в существующих подмосковных научных центрах, потребовала от них самостоятельного решения проблем и поиска путей дальнейшего развития.

Параллельно с набиравшими популярность стилистическими приемами постмодернизма на советскую архитектуру влияли внешние ограничения: принятый запрет строительства общественных зданий в 1980 г.¹⁴ и его преодоление в немалой степени определили специфику градостроительства 1980-х гг. Архитекторы и руководство научных центров находили способы обхода ограничений: наиболее органично это было сделано в Троицке, где цокольные этажи жилых домов и пристройки к ним, предназначенные для культурных, торговых и бытовых предприятий, позволили не только закрыть потребности в обслуживании, но и существенно разнообразить монотонную среду из типовых панельных домов. Феномен встроенно-пристроенных объектов отразился и на градостроительном проектировании: в 1980-е гг. архитекторы закладывали все меньше пространств для отдельностоящих общественных зданий. Наибольшее число объектов такого рода было возведено в Троицке в микрорайонах «Б», «В» и «Д» — в частности, соединенный перемышкой с жилым домом магазин «Детский мир», а также размещенные непосредственно в цокольных этажах кафе и ЗАГС сформировали общественный центр микрорайона «Б».

В условиях постепенного наступления кризиса модернистской парадигмы в отечественной архитектуре подмосковные научные центры вступили в период концептуальной неопределенности: прежние амбиции и планы упирались в ограничения, а сколь-нибудь амбициозные альтернативные идеи развития все равно не могли быть осуществлены без поддержки «сверху». По инерции архитекторы, мыслящие большими масштабами и осознающие себя единственными,

¹⁴ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 июня 1980 г. за № 486 «Об ограничении строительства в 1981–1985 годах административных и общественных зданий и сооружений» // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 935. Л. 183–184.

кто вправе определять, каким быть городу, с трудом осознавали тяжесть ситуации и продолжали надеяться на осуществление откладывавшихся замыслов, одновременно корректируя их и создавая новые. Именно в этот период возникают трения между архитекторами-модернистами и горожанами, традиционно не входившими в треугольник основных акторов (заказчик — проектировщик — строитель): на волне поднимающейся озабоченности советского общества экологическими проблемами впервые ставится под сомнение необходимость развития научных центров в смысле их роста и урбанизации, а также реализации грандиозных ансамблей. В случае Пущина свежие взгляды привели к появлению иных концепций — более контекстуальных и открытых к участию в обсуждении городской среды людей, не входящих в профессиональное архитектурное сообщество. Но в конечном счете все они остались на бумаге, естественным образом удовлетворив чаяния горожан не о развитии городов, но о консервации их существующего положения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования была последовательно рассмотрена история проектирования подмосковных научных центров в 1950–1980-е гг. и определены их основные архитектурно-стилевые характеристики. Атрибутированы ключевые здания и комплексы, в ряде случаев впервые подробно описанные на основе архивных материалов и натурного изучения; уточнены датировки их создания; показана эволюция проектных замыслов; в виде ряда схем представлено развитие организационной структуры проектного института ГИПРОНИИ [Схемы 1–5]. Но главное — в результате были выявлены основные факторы, под влиянием которых формировались и развивались архитектурно-градостроительные замыслы подмосковных научных центров, и установлена взаимосвязь между изменениями в характере творческого процесса и действиями отдельных персоналий и институций.

Исторические этапы проектирования научных центров. Развитие подмосковных научных центров происходило под влиянием множества разных факторов, в творческом процессе их проектирования с 1950-х по 1980-е гг. можно выделить четыре ключевых исторических этапа:

середина 1950-х — начало 1960-х гг.: этап «выдворения» строительства новых академических НИИ из столицы по инициативе Н.С. Хрущева, совпавший с инициированными им же реформами советской архитектуры.

1960-е гг.: этап формирования новых научных центров в Подмоскowie, основными акторами которого стали Президиум АН СССР и архитекторы ГИПРОНИИ.

1970-е гг.: этап усиления и автономии подмосковных научных центров, на котором управление их развитием во многом перешло на места и туда же — во вновь организованные в Черноголовке, Пущине и Троицке мастерские ГИПРОНИИ — было передано и проектирование.

1980-е гг.: этап деприоритизации и консервации, когда поддержка научных центров со стороны Президиума АН СССР ослабела, а их руководство вместе с архитекторами оказалось вынуждено самостоятельно искать возможности и пути дальнейшего развития; на волне подъема популярности экологической повестки жители выступали за сохранение городов в существующем виде.

При этом важным дополнением этой картины явилось рассмотрение истории проектирования академгородка в Москве с середины 1930-х по начало 1950-х гг. — этот этап был обусловлен стремлением руководства страны приблизить АН СССР к себе за счет перевода ее учреждений в новую столицу и размещения главного здания на Крымской набережной.

Архитектурно-стилевая периодизация. Рассмотрение архитектурно-стилевой эволюции проектов научных центров 1950–1980-х гг. позволило выделить в ней три основных периода:

середина 1950-х — начало 1960-х гг.: период творческих поисков, выразившихся в нелинейных стиливых трансформациях, которые мы наблюдали в проектах научных учреждений, — от полного избавления от декора к постепенному его возвращению в виде редуцированной неоклассики. Аналогичная непоследовательность переходных процессов выявляется и в более инертной области градостроительства: проекты планировок, сперва сведенные к приему строчной застройки, затем начинают возвращаться к периметральному принципу.

1960-е гг.: период господства интернационального модернизма — павильонной архитектуры со свободными фасадами и ленточным остеклением, лапидарностью объемов жилых домов и свободной планировкой микрорайонов. Особое внимание уделялось при этом выразительности акцентных элементов: козырьков зданий, подпорных стенок, малых архитектурных форм и объектов монументального искусства. В то же время происходило активное включение природы в архитектурную среду путем сохранения леса либо озеленения, имитирующего природный ландшафт.

1970–1980-е гг.: период позднего модернизма, рождавшегося в процессе усложнения фасадной пластики, утяжеления форм; большее разнообразие и в то же время замкнутость обрели в это время и планировочные решения. Все это обусловило формирование своеобразия каждого из подмосковных научных центров. Однако в 1980-е гг. получил распространение феномен встроенно-пристроенных объектов, в компактных объемах которых оказалось сосредоточено разнообразие пластически выразительных форм.

Предложенные наименования этапов творческого процесса и архитектурно-стилевых периодов в высокой степени условны и отнюдь не универсальны. Последние не являются описаниями отдельных стилей, а лишь обобщают их совокупность в пределах рассматриваемых городов.

Сопоставление выделенных архитектурно-стилевых периодов в проектировании научных центров с существующей периодизацией советской архитектуры позволило сделать следующие выводы:

Прочерчивание нижней границы «современной архитектуры» (в случае изданий советских лет) или эпохи «советского модернизма» (в случае современных трудов) по 1954–1955 гг. очевидно является чрезмерным упрощением. Но даже в случае попыток обозначения существования переходного периода во второй половине 1950-х гг. исследователи до сих пор описывали его как «негативный процесс упрощения»¹⁵, тогда как на примере научных комплексов нам удалось выявить обратную динамику. После резкого спада выразительности в 1954–1956 гг. заметно нарастание фасадной пластики: усиливаются членения, возвращаются мотивы ордерной структуры фасада в форме редуцированной неоклассики. Это увеличение касается направления изменений, а не абсолютной сложности, которая остается существенно ниже, чем в предшествовавшее кампании по борьбе с «излишествами» время.

В 1960-е гг. анализ динамики трансформаций замыслов позволил в большей мере понять задачи и возможности архитектурного проектирования на данном этапе: его творческая составляющая стала во многом реализовываться в области градостроительства (в расстановке объектов на плане), в то время как работа над зданиями заключалась в «привязке» типовых проектов — рутине с минимумом возможностей по внесению изменений.

Период 1970–1980-х гг. исследователи характеризуют по-разному, но общим местом является увеличение монументальности и экспрессивности форм, проявление локального своеобразия — что согласуется с примером научных центров. Но если в целом в СССР в 1980-е гг. многие отмечают проникновение отдельных постмодернистских практик в архитектуру, то в научных центрах мы почти ничего подобного не наблюдаем. Единственный явно постмодернистский концепт был предложен для Пущино «Сенежской студией», в то время как сотрудники местных мастерских ГИПРОНИИ продолжали работать внутри модернистской парадигмы. На этом фоне нами было замечено распространение феномена встроенно-пристроенных объектов, практика проектирования которых в историографии отражена фрагментарно. Практика инте-

¹⁵ Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. Т. I. М., 2001. С. 643.

грации обслуживания имеет более ранние прецеденты в советской архитектуре, но в 1970–1980-е гг. она получила иной масштаб — и в случае научных центров мы можем утверждать, что расщепление культурно-бытового обслуживания по цоколям и пристройкам жилых домов повлияло и на градостроительное планирование: в 1980-е гг. архитекторы стали закладывать все меньше пространств для отдельностоящих общественных зданий.

В полной мере понять причины выявленных несоответствий между принятой стилевой периодизацией советской архитектуры и выделенными периодами архитектурно-стилевой эволюции проектов научных центров можно через сопоставление архитектурно-стилистических особенностей научных центров с характеристиками исторических этапов творческого процесса их проектирования:

Первое установленное противоречие связано с тем, что краткосрочная динамика творческих поисков 1950-х — начала 1960-х гг. почти не анализировалась: процесс обычно описывают как плавный переход от одного «большого стиля» к другому. Массовый поворот к типовому проектированию сделал редкими серии сопоставимых индивидуальных проектов одной функции и одного коллектива, без которых невозможна фиксация локальной динамики переходного процесса. Однако для научных институтов в это время по-прежнему требовались индивидуальные проекты, а вынос строительства из Москвы заставил ГИПРОНИИ срочно разрабатывать их заново, что и сделало их удачным материалом для анализа. При этом выявленный частный случай усложнения фасадной пластики во второй половине 1950-х гг. не опровергает принятую историографическую схему: в масштабе страны локальные процессы усредняются, сглаживая асинхронность и разнонаправленность колебаний на коротком интервале. Тем не менее наш пример показывает, что дедуктивное описание отдельных зданий через устоявшуюся схему периодизации иногда методически неверно.

Одним из объяснений второго несоответствия является неполнота описания механизмов позднесоветского проектирования на уровне институтов и мастерских. История этого периода чаще реконструируется через яркие образцы, тогда как логика принятия проектных решений рассматривается точно и не сводится в целостную картину. Наш анализ взаимодействий акторов показывает, что встроенно-пристроенные объекты служили способом обхода введенных руководством страны ограничений на проектирование и строительство административных и общественных зданий. Влияние ограничительного постановления 1980 г., ставшего отправной точкой этого процесса, до сих пор почти не осмыслялось предметно и упоминалось преимущественно как обстоятельство в историях отдельных «замороженных» объектов.

Развитие подходов к проектированию научных комплексов. Изучение истории проектирования академгородка в Москве в 1930–1950-е гг. показало, что уже в это время родился ряд важных для последующих архитектурных и градостроительных проектов решений. Во-первых, в ГИПРОНИИ уже в первой половине 1950-х гг. успели начать работу над типизацией и унификацией проектирования, создав проекты лабораторных ячеек, из которых компоновались здания НИИ. Во-вторых, в процессе проектирования кварталов научных институтов архитекторы пришли к принципу глубинного зонирования их территории, отказавшись от полностью замкнутого парадными фасадами периметра.

Предпосылкой для появления передовых архитектурных решений научных комплексов в Подмосковье стал запрет с 1954 г. их строительства в Москве. В течение последующего десятилетия проекты научных центров обладали концептуальной общностью как в схемах генеральных планов, так и в композициях застройки и проектах отдельных зданий и комплексов.

Ситуация изменилась в 1970-е гг., когда в каждом из городов были организованы комплексные мастерские ГИПРОНИИ. Несмотря на общую установку на развитие модульно-регуляционной системы по примеру Краснообска (городка СО ВАСХНИЛ), на местах архитекторы лишь частично внедряли этот подход в генпланы, а в реальной практике проектирования новых НИИ нередко проявляли собственные творческие амбиции. Теоретические идеи и методы проектирования, разрабатывавшиеся в ОНИР ГИПРОНИИ, воспринимались в подмосковных мастерских института не как единственно возможное руководство к действию, а как один из ориентиров — важный, но существующий наравне с широким рядом доступного для изучения отечественного и зарубежного опыта.

Благодаря системному рассмотрению архитектуры подмосковных научных центров 1950–1980-х гг. становится очевидно, что критический анализ многочисленных публикаций ГИПРОНИИ — ведущего института, активно занимавшегося собственной издательской программой с конца 1960-х гг. — дает важные ключи к пониманию специфики проектирования советских научных комплексов в целом. Можно заключить, что их архитектура в СССР развивалась куда более многогранно, чем это следует из «генерализирующих» публикаций института. Одновременно исследование обнажает более широкую проблему самомифологизации в советской архитектуре, когда официальные декларации о «едином» подходе крупных проектных институтов нередко расходились с их реальной градостроительной и архитектурной практикой.

Описание внутренней структуры ГИПРОНИИ — ключевого института в проектировании научных центров — позволило соотнести изменения в ней с характером творческого процесса на разных этапах и прийти к выводу о том, что организация проектирования существенно влия-

ла на характер творчества архитекторов. Если в 1950–1960-е гг. частая смена авторских коллективов способствовала одновременно притоку свежих идей и относительному единообразию в планировке и архитектуре подмосковных научных центров, то создание в 1970-е гг. местных мастерских, наделенных высокой автономией, привело к инертности замыслов и к проявлению локального своеобразия в архитектуре каждого города.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

а) Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базе ядра Российского индекса научного цитирования, а также в журналах из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, по соответствующим научным специальностям и отраслям наук:

1. Антипин К.С. Конкурс форпроектов Академии наук 1934–1935 годов: обстоятельства поручения проектирования А.В. Щусеву // Художественная культура. – 2024. – № 3. – С. 296–331 (0,9 п.л.). – Импакт-фактор 0,412 (РИНЦ). – EDN: OZAUFR.
2. Антипин К.С. Архитектурный ансамбль научных институтов в Пушкино: история и принципы проектирования в 1950–1980-е годы // Архитектон: известия вузов. – 2024. – № 2(86) (0,86 п.л.). – Импакт-фактор 0,316 (РИНЦ). – EDN: MAPHWD.
3. Антипин К.С. Кочевание «бумажных» доминант: положения и функции высотных акцентов в проектах застройки Пушкино 1950–1980-х годов // Философия и культура. – 2024. – № 6. – С. 11–37 (1,28 п.л.). – Импакт-фактор 0,545 (РИНЦ). – EDN: EDIBIJ.
4. Антипин К.С. Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров // Проект Байкал. – 2020. – № 17(64). – С. 88–97 (0,74 п.л.). – Импакт-фактор 0,208 (SJR). – EDN: QBWWMV.

б) Иные публикации:

5. Антипин К.С. Парамодернизм: стилевые маргиналии внутри модернистской парадигмы советской архитектуры 1960–1980-х годов // Векторы. Сборник статей XXI и XXII международных конференций молодых ученых 2023–2024 гг. – М., 2024. – С. 152–171 (0,69 п.л.). – Импакт-фактор отсутствует. – EDN: IDBEYG.
6. Антипин К.С. Синтез искусств на станции технического обслуживания автомобилей в районе Варшавского шоссе // Аспирантский сборник. Выпуск 13. Сборник статей по материалам Международного форума молодых исследователей искусства «Научная весна–2023». – М., 2024. – С. 305–317 (0,5 п.л.). – Импакт-фактор отсутствует. – EDN: CUZGUW.